

Л.И. Кондрашова

ИДВ РАН

**Китай: новая развилка
социалистического выбора (2013–2014 гг.)**

Социалистический выбор, сделанный Китаем ещё до создания КНР в 1949 г., был закономерным и с точки зрения тогдашней международной обстановки, и в силу особенностей исторического развития самого Китая. Популярность марксизма можно объяснить не только сложившимся соотношением политических сил внутри страны, но и прочными традициями института «власть-собственность», тем культурным наследием, которое помогло широкому восприятию «преимуществ общественной собственности на средства производства» и коллективизма. Вывод наиболее уважаемого китайского революционера Сунь Ятсена «Только социализм спасёт Китай» был выстрадан в ходе многолетней революционной борьбы и пользовался самой широкой поддержкой китайского общества.

Тем не менее, отношение к социалистической перспективе имело немало нюансов. В среде китайских интеллектуалов существовала точка зрения, что Китай больше страдает от недостатка развития капитализма, чем от самого капитализма, что преодоление экономической отсталости требует максимального использования возможностей капитализма. Собственно говоря, и Сунь Ятсен не отгораживался «китайской стеной» от капитализма. «Моя идея, – писал он, – состоит в желании использовать иностранный капитализм для создания социализма в Китае так, чтобы, гармонично сочетая эти две экономические силы, двигающие человечество вперед, заставить их действовать вместе и тем самым ускорить развитие будущей мировой цивилизации» [3, с. 321]. Капиталистический мир привлекал его техническим превосходством и отгалкивал своими язвами в виде имущественного неравенства, безнравственности и растущей преступности. Кроме того, некоторые защитники «смешанного развития» ссылались на то,

что решению социалистических задач должен предшествовать этап широких буржуазно-демократических преобразований.

Первые 30 лет существования КНР вместили в себя все варианты советского социализма в китайской редакции, хотя в несколько иной последовательности. Китай начинал своё развитие с политики «новой демократии», которая схожа с НЭПом не только определением «новая», но и многими сущностными чертами. «Новую демократию» можно считать первой попыткой смешанного развития при широком обращении к капиталистическим методам хозяйствования – частной собственности и рынку – при концентрации политической и экономической власти в руках государства социалистической ориентации. Переключка между ленинской и маоцзэдуновской концепциями НЭПа прослеживается и в «примирительном» отношении к национальной буржуазии, и в акцентировании роли крестьянства в качестве ведущей силы народного блока. Это не исключало гегемонии партии, опирающейся на марксистские постулаты.

Но между российским и китайским вариантами «новой» политики существует целый ряд отличий. В случае Китая это ещё более низкий уровень развития производительных сил, более ярко выраженный крестьянский характер революции, более благоприятные внешнеполитические условия, когда экономическое и политическое строительство под лозунгами социализма происходило уже не в одной отдельно взятой стране. Если российский НЭП – чистый пионерный эксперимент, то китайская «новая демократия» – продолжение идеологии китайского революционного авангарда при широком использовании советского опыта и опоре на его моральную и материальную поддержку. В России «военный коммунизм» предшествовал НЭПу, в Китае он последовал за «новой демократией» на волне подъёма ортодоксального маоизма. И в России, и в Китае «допущение капитализма» оказалось несовместимым с политикой форсированной индустриализации, став временным отступлением от социалистического проекта. Шедшее в течение первых трёх десятилетий существования КНР жесточайшее противоборство «двух линий» обычно определяется как оппозиция «прагматиков» и «радикалов» либо как «правого» и «левого» крыльев коммунистической партии.

Первый («модернистский») подход отстаивал развитие производительных сил с использованием стоимостных отношений и руководящей роли государства, модернизацию китайского общества и разрушение тех консервативных традиций, которые сдерживали быстрый экономический рост и широкое вовлечение страны в систему мирового разделения труда.

Второй («традиционалистский») подход делал основной упор на самобытность избираемого пути, подключение мелкого производства и нематериальных стимулов повышения производительности труда, на использование традиционного коллективизма и жёсткого государственного начала. Эти две группировки китайского руководства олицетворяли собой полюсные общественные тенденции и объективно «тянули» Китай в противоположные стороны: одни («модернисты») – к разрушению архаичных структур, вхождение в лоно мировой цивилизации с принятием её порядков, другие («традиционалисты») – к консервации «специфики» Китая и к внешне-экономической и внешнеполитической изоляции.

За первой пятилеткой (1953–1957 гг.), наметившей курс на постепенное осуществление социалистической индустриализации и поэтапное проведение «социалистических» преобразований сельского хозяйства, кустарной промышленности («традиционная модель централизованной плановой экономики»); последовали кампании «большого скачка» (1958–1962 гг.) и «культурной революции» (1966–1970 гг.). Обе попытки «маоистов-традиционалистов» претворить в жизнь свои утопические проекты («большой скачок» и «культурная революция») закончились экономическим кризисом. Выход из кризисов осуществлялся с привлечением программы «модернистов», которая предполагала сбалансированный экономический рост, постепенное внедрение достижений научно-технической революции, рациональное соотношение между накоплением и потреблением, между «крупным» и «мелким» производством. Эта политика предусматривала использование разделения труда, товарно-денежных отношений, экономических рычагов в целях повышения эффективности производства и улучшения жизни народа, что рассматривалось как необходимое условие роста производительности труда. Терпимое отношение к материальной заинтересованности, кустарям-единоличникам, приусадебным участкам и подсобным хозяйствам крестьян – все эти элементы экономической политики «прагматиков» клеймились китайской пропагандой как попытки «реставрации капитализма».

Мобилизационная экономика первых тридцати лет после образования КНР, покоилась на трёх «китах»: массивные накопления за счёт сохранения низкого жизненного уровня трудящихся, жёсткая централизация управления и господство плановых директив, внешнеэкономическая замкнутость как «опора на собственные силы». В результате «форсированной индустриализации» был создан достаточно мощный костяк тяжёлой индустрии, что позволило поднять оборонную мощь страны, освоить новые районы. Образовавшаяся в конце 1970-х годов хозяйственная система отличалась

слабым развитием товарно-денежных отношений, господством государственной формы собственности, директивным характером управления, иерархическим соподчинением субъектов хозяйственной деятельности. Однако пренебрежение нуждами народа, зажим творческой инициативы, внешнеэкономическая изоляция – всё это оказалось тормозом экономического роста и технической реконструкции производства.

Главной причиной начала экономических реформ сначала в Китае, а потом и в России явилось нарушение институционального баланса. Это выражалось в тотальном доминировании институтов Х-экономики (редистрибутивная матрица), в то время как необходимые институты Y-экономики (рыночная матрица) были почти неразвиты или носили латентный характер. Реформы приобрели характер достаточно медленного и осторожного процесса («переходить речку по камушкам») при сохранении стратегической цели построения рыночной экономики. Отмежевываясь от леворадикальной программы «большого скачка» и «культурной революции», «реформаторы-прагматики» выступали за постепенную демократизацию общественной жизни, но без посягательств на решающую политическую и экономическую роль государства и коммунистической партии.

На XII съезде КПК в 1982 г. китайская модификация социализма получила оформление в виде тезиса о «строительстве социализма с китайской спецификой», подразумевавшего сочетание сущностных признаков социалистических производственных отношений в марксистской трактовке с теми особенностями общественной организации, которые вытекают из географических, демографических и исторических условий, из задач начального этапа строительства социализма. В новую концепцию «китаизированного социализма» вошёл постулат о товарном характере социалистической экономики, о необходимости развивать многоукладное хозяйство при опоре на общественные формы собственности.

С первым серьёзным испытанием китайская программа реформ столкнулась в конце первого десятилетия её проведения. Сравнение выдвигавшихся политических платформ позволяет говорить о столкновении трёх разных позиций. В лагере «реформаторов-радикалов», чьи идеи питали студенческое диссидентство, было немало приверженцев абсолютного господства рынка, «нормальных» частнособственнических отношений, широкого развития экономической и политической демократии. Китайские либералы стояли за полный и решительный отказ не только от прежних утопических социальных экспериментов маоистского толка, но и от бесперспективного, на их взгляд,

«реформирования социализма», за снятие всех преград на пути приватизации и установления режима политического плюрализма. Социальной базой таких прокапиталистических устремлений служил нарождавшийся слой предпринимателей, прозападно настроенные представители научной и творческой интеллигенции. Радикальным устремлениям с явной симпатией в отношении либерального капитализма американского типа противостоял другой экстрим – сохранившиеся приверженцы марксистского социализма и «идей Мао Цзэдуна», которые усматривали в рыночном реформировании когда-то склонявшуюся на все лады «реставрацию капитализма». Между этими двумя полюсами находились «умеренные реформаторы».

Студенческий бунт летом 1989 г. с последующим жестоким разгоном его участников на площади Тяньаньмэнь завершился победой «государственников» над либеральным диссидентством. Ценою нескольких сотен человеческих жизней власть компартии и единство государства были сохранены, а выдвигавшиеся протестующими лозунги либерализации и демократизации оказались невостребованными китайской общественностью и не получили необходимой подпитки извне.

Победа центристской линии была закреплена в 1992 г. после инспекционной поездки Дэн Сяопина по стране и его заявлений о том, что не стоит сковывать себя идеологизированными и абстрактными рассуждениями о том, какое имя лучше подходит – социализм или капитализм, а в целях ускорения экономического развития раскрепощать сознание, форсировать проведение реформы, расширять внешние связи. Цель достижения всеобщего благосостояния уступила место выдвинутому Дэн Сяопином тезису бухаринского склада – «пусть одни обогащаются раньше других», фактически узаконившему растущую дифференциацию доходов населения [4, с. 59].

Для второго этапа реформы, пришедшегося на 90-е гг., характерно приглушение прежних идеологических постулатов и закрепление тех выводов о характере строя в Китае, которые были сделаны в 80-е годы. Хотя сам термин «социализм с китайской спецификой» сохранил своё значение, но противопоставление социализма и капитализма потеряло актуальность. Дискуссии об «измах» сменились «спорами о проблемах».

После кончины Дэн Сяопина в феврале 1997 г. перед страной встали вопросы: «Под каким знаменем Китай вступит в XXI век? По какому пути пойдёт страна?». Стало нарастать противоречие между двумя группировками в пределах общего «модернизаторского» направления: сторонников «смешанного» развития Китая со значительными уступками капитализму во внутреннем и внешнем плане и

сторонников ограниченного «допущения» капитализма в целях активизации всех факторов экономического роста и соблюдения общих закономерностей строительства социализма. Иначе говоря, противостоящими оказались два пути развития с китайской спецификой: неокapиталистический и неосоциалистический. Широкое распространение рыночных и частнособственнических отношений, существование разных видов доходов, растущая имущественная дифференциация и социальное расслоение – всё это напоминало советскую политику НЭПа и политику «новой демократии» в первые годы существования КНР. Рыночная экономика, утверждая формальное равенство возможностей, не терпит равенства результатов. Погоня за прибылью способствует росту производства, но одновременно порождает алчность, эгоизм, стяжательство, душевную чёрствость. Формируется приоритет индивидуальных ценностей и нарастает противостояние власти и народа, предпринимателей и непосредственных производителей.

Сложившееся к началу нового тысячелетия китайское «смешанное общество» можно рассматривать как разновидность «рыночного социализма» при относительно устойчивом сочетании плана и рынка, сохранении важной роли государства, при преобладании оплаты по труду и «приемлемой» имущественной дифференциации. «Рыночному социализму» в наибольшей мере присущи черты конвергентности и потому критика его велась с двух разных сторон. Критики «справа» видели прежде всего половинчатость преобразований, их «несистемный характер», и говорили о недолговечности этой модели, которая тормозит переход к «цивилизованному» рынку. Критики «слева» были убеждены в том, что «рыночный социализм» будет воспроизводить многие беды, свойственные капитализму, а именно: неравенство в доходах и благосостоянии; негативные эффекты, связанные с разрушением окружающей среды; коммерциализация общества и стремление к беспрестанному наращиванию индивидуального потребления; макроэкономическая нестабильность, включая безработицу и инфляцию; недопроизводство общественных благ. Противоречивость сложившейся ситуации породила альтернативные оценки итогов реформы. Одни предрекали скорое вступление Китая в «светлое будущее» капитализма, другие осуждали слишком медленные преобразования политической системы Китая, списывая эти огрехи на бюрократизм и консерватизм КПК.

Решения политических форумов в первое десятилетие XXI века свидетельствуют о том, что Китай подошёл к очередному водоразделу своей политической истории и истории хозяйственной реформы, и

готов предпринять решительные действия по исправлению допущенных просчётов. На состоявшемся в 2002 г. XVI съезде КПК прозвучала задача «усовершенствования системы социалистической рыночной экономики» и были обозначены основные ориентиры следующего этапа реформы: 1) продолжение рыночных реформ, 2) поддержка развития негосударственного сектора экономики, 3) ускорение урбанизации, 4) дальнейшая перестройка государственного аппарата с изменением государственных функций, 5) охрана окружающей среды, 6) улучшение качества жизни населения, что предполагает дальнейшую борьбу с бедностью, развитие образования, здравоохранения, науки и техники. Позиция нового руководства ещё более чётко была выражена на проведённом в октябре 2003 г. 3-м пленуме ЦК КПК 16-го созыва, который в продолжение традиции особой значимости третьих партийных пленумов сформулировал новую концепцию развития – сбалансированного (*сецзюй*), всестороннего (*цюаньмянь*), устойчивого (*кэчисюй*). Узкая направленность на количественные параметры роста начала постепенно вытесняться понятием «оптимального» и «качественного» экономического роста, что подразумевает широкое привлечение достижений науки и техники, совершенствование отраслевой и региональной структуры производства, снижение себестоимости, повышение эффективности производства и качества продукции.

На состоявшемся в октябре 2005 г. 5-м пленуме ЦК КПК 16-го созыва была поставлена задача углубления рыночных реформ, понимаемого как создание социально ориентированной рыночной экономики, если использовать западную терминологию, или как полное построение общества *сяокан* в духе известной идеологии традиционного Китая, получившей новую трактовку. Воплощая в себе конфуцианский принцип «человечности» и одновременно новое понимание роли творческой личности в общественной жизни, *сяокан* («малое благосостояние») означает ликвидацию бедности, доступность для каждого благ цивилизации, наполнение жизни богатым духовным содержанием. Это требует другой расстановки акцентов в экономической политике, отказа от остаточного принципа при финансировании образования, здравоохранения и культуры, изменения структуры национального дохода в пользу потребления.

Из множества диспропорций, требовавших ликвидации, на пленуме были выделены пять главных (*угэ тунчоу*): между экономическим и социальным развитием, между городом и деревней, между приморскими и внутренними регионами, между человеком и природой, между внутренним развитием и внешней открытостью. Выдвинутое на пленуме понятие «новой модели развития» нацеливало на

более решительные действия по интенсификации экономического роста, охрану природной среды, отказ от идеалов потребительского общества, повышение престижа духовной и интеллектуальной сфер. Новая модель предполагает сохранение государственного контроля, сокращение региональных диспропорций и ослабление зависимости экономического роста от экспорта. XVII съезд КПК (2007 г.) подтвердил линию на продолжение рыночных преобразований при надлежащем контроле над процессом, не позволяющем выйти за черту «усовершенствования социализма», что угрожает стабильности общества, целостности государства и руководящей роли КПК.

XVIII съезд КПК (2012 г.) проходил в довольно сложной ситуации мирового экономического кризиса и осложнения обстановки в самом Китае. Это первый год, когда ожидалось сокращение темпов роста ВВП до менее чем 8%. В доказательство успехов проводимых реформ, в докладе указывалось, что Китай вышел по общей величине ВВП на второе место в мире, вместе с тем подчёркивалось, что он остаётся слаборазвитой страной, в которой наличествует противоречие между постоянно растущими материальными и духовными потребностями народа и относительно слабой экономической базой.

Доклад можно рассматривать как подтверждение проводившейся до сих пор политики партии и сохранение прежних идеологических установок: марксизм (иногда марксизм-ленинизм), идеи Мао Цзэдуна, теория Дэн Сяопина, концепция «трёх представительств» Цзян Цзэминя, концепция «научного развития», которая в различных работах представляется как главный теоретический вклад самого Ху Цзиньтао. Были повторены все прежние лозунги гармоничного, сбалансированного развития, «человек – основа основ», приоритета общественной собственности на средства производства при развитии многоукладной экономической системы, а также все задачи индустриализации, информатизации, урбанизации, создания новой деревни и т.п. Одновременно была констатирована необходимость смены «методов экономического развития», или «смена экономической модели».

За годы реформ Китай заслуженно собрал гору комплиментов, посрамив всех тех, кто предрекали ему скорый провал. Но в то же время приходится признать, что беспрецедентный экономический подъём достался ему высокой ценой серьёзных экономических диспропорций, обострения социальных противоречий, слишком высокой зависимости от конъюнктуры мирового рынка, катастрофического ухудшения экологической обстановки. Значительная имущественная дифференциация, отставание доходов трудящихся от роста ВВП ограничивают величину совокупного спроса, что может стать тормозом дальнейшего экономического роста. Истощение природной среды

при нехватке целого ряда природных ресурсов создают опасность чрезмерной зависимости Китая от импорта сырья и топлива. Мобилизационная модель экстенсивного экономического роста в настоящее время требует значительной корректировки в плане подтягивания социальной и экологической составляющей, серьёзных структурных преобразований.

Новая экономическая модель призвана сохранить преемственность прежнему рыночному курсу и обеспечить поддержание достаточно высоких темпов роста, но одновременно изменить приоритеты и ликвидировать возникшие диспропорции. Первоочередные задачи:

- Переход на интенсивный путь развития с повышенным вниманием к эффективности производства и его ресурсоёмкости.
- Реструктуризация промышленности с акцентом на развитие отраслей, генерирующих интеллектуальную ренту, и на сокращение избыточных мощностей в базовых отраслях.
- Изменение налоговой системы с целью снижения социальной дифференциации, увеличение налоговой нагрузки на богатых.
- Повышение внутреннего спроса через рост доходов работников и расширение сферы образования и здравоохранения.
- Ускорение урбанизации при соблюдении принципа «скоординированного развития города и деревни» и легализации городского статуса деревенских мигрантов.
- Укрепление государственного макрорегулирования экономики, борьба с «рыночным фундаментализмом», увеличение доли ВВП, распределяемой по нерыночным критериям.
- Улучшение работы административного аппарата, борьба с коррупцией.
- Активизация политической реформы с особым акцентом на демократизацию внутрипартийной деятельности, активизацию профсоюзов и кооперативного движения.
- Легитимация земельных отношений при соблюдении интересов крестьянства во всех операциях с землёй.
- Повышение внимания к экологическим проблемам.
- Ослабление зависимости экономики от внешнего фактора.

Новая модель модернизации на основе собственных задач, с учётом собственной культуры пока находится в Китае в стадии становления, но экономические успехи страны «работают» на её общую значимость. Китайское «гармоничное общество» может сыграть роль той «полезной утопии», которая не гарантирует успеха в обозримой перспективе, но настраивает на ограничение дисфункций современной экономики.

Логика пройденного Китаем пути даёт надежды на успешное продолжение китайских реформ, рост национальной мощи и повышение благосостояния китайского населения. Безусловно, что переход к новой экономической модели не может пройти бесконфликтно, поскольку уже сформировались социальные слои, заинтересованные в сохранении *status quo*, своих высоких прибылей и своего политического влияния. При наличии огромных финансовых ресурсов их всё же недостаточно для решения накопившихся социальных и экологических проблем. Трудно также рассчитывать на бесконечное продолжение благоприятной международной обстановки. Для продолжения успешного китайского «марафона» необходимо: сохранение авторитарного режима и государственного макрорегулирования, высокое качество и антикоррупционность элиты, поддержание рациональной занятости и повышение доходов населения. Поставленные задачи грандиозны, но достижимы.

Дополнение

Если распад СССР и исчезновение возглавляемой им мировой системы социализма даёт все основания рассматривать этот процесс как реставрацию капитализма, то итоги реформистских процессов в странах, сохранивших приверженность знамени социализма, до сих пор не получили общепризнанной формационной оценки со стороны российской общественной науки. В самом Китае в согласии с предложением Дэн Сяопина принято обозначение проводимого курса как «социализм с китайской спецификой». В настоящее время это определение полностью отождествляется с конфуцианским представлением об обществе *сяокан*, что можно перевести как «скромный достаток»¹. XVIII съезд КПК подтвердил верность Китая социалистической ориентации и действенность определения «социализм с китайской спецификой».

Между тем в научных кругах, даже в самом Китае, далеко не все исследователи готовы согласиться с принадлежностью Китая к социалистической формации, тем более что само понятие «социализм» утрачивает теоретическую определённую. Такие факты китайской действительности, как социальная дифференциация, низкий охват населения услугами сферы социального обеспечения, власть денег и падение нравов дают основания для сомнений в социалистической сущности китайского общества. Выходят даже монографии, посвящённые анализу «китайского капитализма». Немалое число исследователей склонно характеризовать Китай как «оригинальный» субъект мирового сообщества, выходящий за рамки как социалистических, так и капиталистических канонов. Есть точка

зрения, что китайские реформы 80-х годов привели к «системному соскальзыванию», созданию специфической «постсоциалистической смешанной экономики», где оригинальные китайские инновации сочетаются с аналогичными явлениями, наблюдающимися в странах Восточной Европы – энергичным негосударственным сектором, растущей множественностью и гетерогенностью собственников крупных предприятий, неопределённой комбинацией частных и общественных форм, «переплетённой» собственностью в пределах или вокруг общественного сектора, высокой степенью власти управляющего звена [2].

Основываясь на анализе развития глобального капитализма, мы можем предложить макросценарии развития незападных автохтонных капитализмов.

1) Удержание странами незападного капитализма, индустриализма и хозяйственных демократий рыночного механизма в рамках имеющейся социально-культурной политической специфичности. Например, сегодня Китай пытается удержать вторжение рынка в общество политически и цивилизационно-культурно.

В плане перспектив отношений капитализма и социализма выдвигаются различные предположения на основе сценарного прогноза, в том числе и возможность ослабления значения этих понятий, если реализуется макросценарий удержания рыночного механизма в рамках имеющейся социально-культурной специфичности. Но в этом случае ситуация может повернуть не к выбору между социализмом и капитализмом, а к традиционно-рыночной экономике, похожей на то, чем был Китай в XVIII в. (и что отмечалось А. Смитом) с разницей в технико-организационной стадии экономики и высоте технических средств.

Но поскольку на Западе в Первую великую трансформацию была такая же позиция автономии рынков, самостоятельности обществ, но не удалось сдержать господства экономики над обществом, возможен второй макросценарий.

2) Новое время для незападных стран. Незападные капитализмы начнут эволюционировать в сторону подчинения общества экономике. Этот макросценарий распадается на три возможных микросценария:

А) Эволюция многообразных национальных незападных капитализмов или хозяйственных демократий по типу той, которую претерпел Запад, начиная с Нового времени. Их ждёт индустриализация, становление буржуазных наций, формирование «модельного человека», превращение Запада в один из многих вариантов воплощения капитализма Третьей современности.

Б) Микросценарий выработки Восточной Азией во главе с Китаем новой модели развития либо для азиатского региона, либо имеющий

мировое значение. Подъём и сходство моделей развития стран БРИК, присоединение к их пути Индонезии и других незападных стран.

В) Микросценарий конвергенции азиатского развития по капиталистическому пути с западным капитализмом. Использование трудовых ресурсов Азии при ориентации на политические системы и технику Запада.

<i>Редистрибутивная матрица</i>	<i>Рыночная матрица</i>
Политические институты	
<i>Авторитарный (тоталитарный) характер власти</i>	<i>Демократический режим (выборная демократия)</i>
<i>Унитарное государственное устройство (государство-империя)</i>	<i>Федеративное государственное устройство (государство-нация)</i>
<i>Сильная вертикаль власти (административная иерархия)</i>	<i>Дополнение властной вертикали горизонтальными общественными связями</i>
<i>Однопартийная система</i>	<i>Многopартийная система (несколько крупных партий)</i>
Экономические институты	
<i>Редистрибуция (аккумуляция ресурсов и централизованное распределение)</i>	<i>Обмен, движение благ и услуг между производителями и потребителями</i>
<i>Условная верховная собственность</i>	<i>Частная и корпоративная собственность</i>
<i>Валовый доход, экстенсивный рост</i>	<i>Прибыль, интенсивный рост</i>
<i>Административные рычаги хозяйственного управления</i>	<i>Экономические рычаги хозяйственного управления</i>
<i>Полная занятость и «служебный труд», система государственного найма на работу в городском секторе</i>	<i>Неполная занятость, контрактный трудовой найм</i>
<i>Оплата по труду, уравнительное распределение</i>	<i>Оплата по факторам производства, имущественная дифференциация</i>
<i>Автаркические тенденции</i>	<i>«Открытая» экономика, глобализация</i>
Культура и идеология	
<i>Коллективистские ценности</i>	<i>Индивидуалистические ценности</i>
<i>Единая государственная идеология</i>	<i>Программы конкурирующих партий</i>
<i>Преобладание православия, буддизма и конфуцианства</i>	<i>Преобладание протестантизма и католичества</i>

3) Возможен ли «третий путь»? Прежде всего, надо ответить на вопрос о том, в каком направлении идёт развитие мировой цивилизации – в сторону унификации или ещё большего разнообразия. Первая точка зрения представлена концепцией чисто количественного расширения в глобальных масштабах единой буржуазной цивилизации непреложности законов «нормального общества», «нормальной экономики». В рамках глобализации именно Запад стремится представить свои эталоны как матрицу-основу, на базе которой формируется вся общемировая система стандартов («вечный капитализм»). Глобализация – это стремление перевести планету на западную систему отсчёта.

Вторая точка зрения – развитие человечества многовариантно. Отсутствие стадильности надо понимать в том смысле, что нет генетически запрограммированной смены одной модели другой (т.е. обязательный переход от редиистрибутивной экономики к рыночной или наоборот). Однако на определённых исторических этапах «сила притяжения» одной из этих двух систем может превалировать над другой.

Современный «третий акт» китайской реформы подтверждает, что её траектория – не прямая линия, а волнообразная кривая, включающая фазы «наступления» и «отступления», «утверждения» и «отрицания». Если вспомнить высказывание, что «история идет галсами, пробуя и отрабатывая, как правило, крайние варианты своего движения»², то Китай проиграл и отбросил вариант «казарменного коммунизма», прошёл через «дуализм плана и рынка» и разочаровался в либерализационной модели рыночной экономики. Настало время уравнивания принципов социальной справедливости и экономической эффективности, соблюдения равновесия индивидуальных и коллективистских ценностей, что требует поддержания определённой нормы оплаты труда, обеспечивающей соответствующее качество рабочей силы, сокращения имущественной дифференциации до рациональных пределов, гарантирующих социальную стабильность общества. Обращение к высоким нравственным идеалам в традициях Китая, который формировался как страна социалистическая, а не антропоцентристская.

На повестке дня – разработка такого варианта «социального рыночного хозяйства», который позволит связать модернизацию как ответ на глобальные трансформационные вызовы с соблюдением принципов социальной справедливости и солидарности.

Маркетингизация Китая достигла сейчас такого уровня, который чреват серьёзными социальными последствиями. Поэтому столь актуальна поставленная руководством КНР задача построения «гармоничного

общества» как соблюдения необходимого баланса экономической эффективности и социальной справедливости.

Совершенно не проработана идея «третьего пути», который противоположен как бюрократическому социализму, так и капитализму. Надо говорить о двух альтернативных путях – в рамках двух матриц.

ООН опубликовала специальный документ, который называется «Глобализация с человеческим лицом», в котором показан контраст между развитыми и развивающимися странами и его усиление по мере глобализации. Так, в 1960 г. разрыв между пятью богатейшими и пятью беднейшими странами был 30:1, в 1980-х годах – 50 к 1, в 1990-х – 74 к 1. (с. 194).

Можно составить китайскую формулу социализма по образцу малоизвестной ленинской формулы («советская власть + прусский порядок железных дорог + американская техника и организация трестов + американское народное образование... = социализм» – ПСС, т. 36, с. 550): «просвещённая авторитарная власть + высокий экономический потенциал + современная техника + советское образование = китайский социализм».

Примечания

¹ Существуют и другие переводы, например, «малое благосостояние»

² Высказывание Б.Ф. Славина на заседании круглого стола «Модернизационный вызов современности и российские альтернативы» в апреле 2001 г. – см. [1, с. 211].

Литература

1. О стратегии российского развития. Аналитический доклад. М.: «Русский путь», 2003.
2. Шаванс Б. Эволюционный путь социализма // Вопросы экономики. 1999. № 6.
3. Сунь Ятсен. Программа строительства страны. Избранные произведения, т. 2, Пекин. (на кит. яз.).
4. Дискуссии и развитие: 50 лет экономической теории в Китае. Куньмин, 1999. (на кит. яз.).